

П.С. СОРОКИН, И.А. АФАНАСЬЕВА

ПОЛЯ АГЕНТНОСТИ В СФЕРЕ ИСКУССТВА: АКТОРЫ, СРЕДЫ ПРОЯВЛЕНИЯ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

СОРОКИН Павел Сергеевич – кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией (psorokin@hse.ru); АФАНАСЬЕВА Ирина Анатольевна – аспирант, младший научный сотрудник (iaafanaseva@hse.ru). Оба – Лаборатория исследований человеческого потенциала и образования НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Аннотация. Недостаточное понимание движущих сил и механизмов проактивного поведения человека обсуждается в последнее время как одна из ключевых проблем фундаментальной науки и практической политики. Одно из ключевых понятий в соответствующих отечественных и зарубежных научных дискуссиях – агентность (agency). Область искусства как одновременно среда проявления и фактор формирования агентности получает ограниченное внимание в современной литературе несмотря на то, что исторически занимает важное место в разработках социологов по проблемам структурной динамики (например, в трудах П. Бурдьё, Б. Латура). На основе теоретического анализа и обзора современных дискуссий в сфере современного искусства, а также на базе пяти интервью с современными художниками, в статье обосновывается гипотеза о существовании «полей агентности» как особого типа социальных образований, являющихся не столько результатом изменения или развития существующих структур, но следствием непосредственного создания новых практик действия и сообществ, которые, в свою очередь, меняют более широкую среду. Гипотеза рассматривается как дополнение концепции полей стратегического действия Н. Флигстина и Д. Макадама, а также как уточнение выдвинутой ранее одним из авторов настоящей статьи концепции неоструктуризации (деструктуризации). Авторы приходят к выводу, что формирование полей агентности может являться важным механизмом, через который индивидуальное проактивное действие трансформирует социальный мир и который недостаточно изучен в современной социальной науке.

Ключевые слова: современное искусство • агентность • самостоятельность • неоструктуризация • теория полей • поля агентности • стратегическое действие • самоорганизация

DOI: 10.31857/S0132162524100119

Постановка проблемы. «Агентность» можно кратко описать как способность к самостоятельному проактивному действию, воздействующему на социальные структуры в направлении, ими не детерминированном [Сорокин, 2023; Cavazzoni et al., 2021]. Эта тема занимает важное место в современных научных исследованиях и в практической политике [Cavazzoni et al., 2021: 1126]. Суть данной проблематики заключается в определении объективных возможностей индивидуального проактивного действия по поддержанию или совершенствованию существующих, а также формированию новых продуктивных форм деятельности, сообществ, социальных структур. На фоне кризисных процессов в экономике и политике в глобальном масштабе низовая агентность все чаще рассматривается как потенциальный драйвер развития [Cavazzoni et al., 2021].

Особенность предлагаемого ниже взгляда на анализируемый феномен состоит в том, что агентность рассматривается в контексте процессов нео- (или де-)структуриации, то есть формирующегося в настоящее время нового порядка социальной организации,

для которого характерна растущая зависимость любых социальных структур и институтов от индивидуальной агентности, их проактивно поддерживающей или трансформирующей. Иными словами, отчасти парадоксальным образом, условием выживания структур – начиная от семьи и локальных сообществ и заканчивая крупными корпорациями и государством, – становится инициативное индивидуальное поведение, их трансформирующее в той или иной степени и адаптирующее к меняющейся реальности, или создающее новые структурные образования (например, онлайн-сообщества для решения задач в области образования, корпоративного развития, гражданского участия и др.).

Причины и характеристики этого состояния подробно рассматриваются в предыдущих работах [Сорокин, 2023; Сорокин, Фрумин, 2020; Sorokin, 2020], однако кратко можно отметить, что одним из ключевых факторов нарастания неструктуризации выступает ускоренное технологическое развитие, которое расширяет практические возможности индивидуального действия [Dwivedi et al., 2023], а также изменения в сфере культуры (кризис доминирования западных моделей социальной организации жизни на уровне государства, образовательного учреждения, корпорации или семьи), что делает более легитимными, чем ранее, попытки их пересмотра или даже полное отрицание [Furuta et al., 2023: 96]).

Цель настоящего исследования – теоретически обосновать и эмпирически проиллюстрировать гипотезу об особом механизме реализации агентности в современных условиях на примере сферы современного искусства, суть которого состоит в генерации «полей агентности» как особого типа социальных образований, предполагающих непосредственное создание новых практик действия и сообществ, которые, в свою очередь, меняют более широкую среду. Эта гипотеза рассматривается как уточнение концепции полей стратегического действия Н. Флигстина и Д. Макадама, для которой характерна недооценка генерирующей (а не только трансформирующей) роли индивидуального действия в социальной динамике (см. подробнее критику указанной теории в [Сорокин, 2023]). Формирование «полей агентности» может являться важным механизмом, через который индивидуальное проактивное действие влияет на социальный мир и который недостаточно обсуждается в современной социальной теории, включая разработки в сфере полей стратегического действия.

В центре внимания эмпирической части настоящей статьи – современные художники, которые ставят перед собой задачи творчески осмыслить возникающие вызовы и генерировать новые способы видения мира, возможные векторы его развития, в том числе связанные с индивидуальной агентностью как одним из факторов совершенствования социальной среды. Выбор в качестве основного объекта анализа художников продиктован тем, что реализуемая ими агентность в явном виде связана с индивидуальным творчеством, самовыражением, оригинальностью, а также выходит за пределы «рыночной» логики, что делает данную аудиторию одним из перспективных сегментов для изучения проблематики агентности [Sorokin et al., 2024].

«Поля стратегического действия», «круги творческого сотрудничества» и «поля агентности». Одним из активно обсуждаемых в современной социологии подходов к осмыслению социальных изменений является теория полей стратегического действия [Fligstein, McAdam, 2011]. Ее авторы – Н. Флигстин и Д. Макадам – отмечают, что структура и действие представляют собой взаимосвязанные элементы, разделяемые скорее аналитически, но не онтологически [Fligstein, McAdam, 2011]. Подчеркивается, что социальные поля не существуют автономно, но зависят от внешней среды и других смежных и более отдаленных полей. Термин «поля стратегического действия» отражает роль целенаправленных действий акторов (индивидов, организаций, государств и др.) в трансформационной динамике социальных структур [Флигстин, Макадам, 2022: 12].

Признавая важный вклад Флигстина и Макадама в понимание природы социальных структур и их связи с агентностью, стоит отметить, что теория полей стратегического действия имеет ряд существенных ограничений (см. подр.: [Сорокин, 2023]). Прежде всего, авторы, по сути, повторяют идею более ранних научных школ (связанных с именами

П. Бурдые, Э. Гидденса, Д. Мейера и др.) о доминировании социальной структуры над индивидом и его действием, что упаковывается в тезис об их неразрывной связи, когда структура задает вектор действия, которое, в свою очередь, меняет структуру (в заданном ею направлении). Признание Н. Флигстиным и Д. Макадамом принципиальной изменчивости социального мира, возможных конфликтов между структурами и разной степени свободы действий, допускаемой разными полями – очевидный шаг вперед по отношению к традиционным версиям теорий социальной динамики. Однако принципиальная подчиненность индивидуального действия структуре в их «картине мира» остается неизменной.

Как мы постараемся показать ниже, исследование индивидуального агентного действия, связанного со сферой искусства, может оказаться продуктивным для расширения трактовок современной социальной динамики, поскольку демонстрирует механизмы взаимосвязи структуры и действия, которые остаются недостаточно осмысленными в социальной теории [Archer, 2024; Сорокин, Головин, 2022; Сорокин, Фрумин, 2020].

Социальные поля (если использовать «поле» как синоним «структур» на языке Н. Флигстина и Д. Макадама, продолжающих традицию П. Бурдые) в сфере современного искусства исторически более удалены от ключевых источников регламентации жизни (государство и рынок), чем ряд других сфер (образование, рынок труда, политика и др.). Они в существенной степени неутилитарны, получают ограниченное частное и государственное финансирование и редко становятся объектом приоритетной по отношению к другим сферам поддержки со стороны государства.

Соответственно, есть основания полагать, что на примере полей в данной сфере возможно в выраженной и наглядной форме наблюдать процессы и эффекты индивидуальной агентности. Это подтверждает концепция кругов творческого сотрудничества (англ. «collaborative circles»), которая обсуждается в новой зарубежной литературе по социальной теории как одно из оснований для следующего шага в развитии теории полей стратегического действия [Parker, Corte, 2017: 262]. Согласно Д. Паркеру и У. Карту, малые креативные группы, творческие кружки, художественные самоорганизации (т.н. artist-run-space) не только формируют новое творческое видение, которое в дальнейшем может «подхватываться» другими акторами и приводить к трансформации социальных структур, но могут непосредственно реализовывать агентность и созидательный потенциал индивидуального проактивного действия, меняющего те или иные сферы общественной жизни или рынка [Parker, Corte, 2017: 262]. Работа Д. Паркера и У. Корта в журнале *Sociological Theory* [Parker, Corte, 2017] эмпирически демонстрирует и теоретически осмысляет (на примере, в частности, группы так называемых импрессионистов [ibid: 262]), что новое направление в искусстве, изменившее рынок потребления предметов эстетической ценности и внедрившее новые академические стандарты в изобразительное искусство, может быть результатом сознательного действия низовых креативных лидеров, а не структуры (государства, рынка с их «естественными» закономерностями развития).

Концепция кругов творческого сотрудничества, в свою очередь, развивает более ранние идеи, связанные с понятием «художественных самоорганизаций». Современное теоретическое прочтение этого феномена, имеющего богатую историю и уходящего корнями в XIX в., может строиться на сформулированном итальянским философом П. Вирно понимании функционирования культурной индустрии как постфордистской формы производства. В работе «Грамматика множества: к анализу форм современной жизни» П. Вирно пишет: «в подобной индустрии не создаются произведения, отдельные от самого действия, <...> нет недостатка в законченных продуктах, которые необходимо сбыть в конце производственного процесса» [Вирно, 2013: 63].

Развивая идеи Д. Паркера и У. Корта об ограничениях концепции «полей стратегического действия» (в том числе на примере сферы искусства), можно выдвинуть гипотезу о существовании «полей агентности» как особого типа социальных образований, являющихся результатом не столько изменения или развития через индивидуальное действие уже существующих структур, но непосредственного создания новых практик действия

и сообществ, которые, в свою очередь, меняют более широкую среду. Эта гипотеза может рассматриваться как дополнение концепции полей стратегического действия Н. Флигстина и Д. Макадама и как уточнение выдвинутой ранее одним из авторов настоящей статьи концепции (нео-) или (де-)структуризации.

Отечественные исследования и дискуссии о проблематике агентности в искусстве. Несмотря на важность современных международных дискуссий в области общей социальной теории, содержательное понимание конкретных социальных полей невозможно без внимательного учета отраслевых дискуссий, а также национального контекста. В российских разработках в сфере социологии искусства одним из близких к понятию «агентность» (но не тождественных ему) является понятие «самоорганизации». Российский эксперт, исследователь и художник Р. Поланин предлагает прочтение самоорганизации как ассамбляжа – синтеза целого, несводимого к простому перечислению своих частей [Поланин, 2020: 40]. Автор пишет, что ключевым свойством самоорганизации является индивидуация, то есть становление каждого из элементов в обход слияния в единый социальный институт [там же]. В российской реальности художники чаще всего создают самоорганизации после окончания художественных школ, будучи фрустрированными отсутствием явных социальных лифтов в профессии, небольшим количеством вариантов построения карьеры, предлагаемых институциями. При этом художники понимают, что наработанные во время учебы связи стоит сохранить, а плодотворный опыт коллабораций стоит наращивать – уже не по заданию мастера, преподавателя, а на принципах, ориентированных на самореализацию и утверждение новых идей, взглядов и эстетических решений в реальном мире [там же].

Автор-составитель альманаха российских художественных самоорганизаций «Открытые системы» А. Трубицына предлагает свою типологию самоорганизаций на основании критериев, в числе которых она выделяет «пространство» (мастерская, квартира, сайт), «финансирование» (личные средства организаторов, гранты), «принцип организации» (например, коллегиальность), «частота событий», «концепция», «ключевые слова» (например, экология, ликбез, активизм) [Трубицына, 2020]. Автор отмечает, что современным художественным самоорганизациям свойственна высокая изменчивость формы и содержания, что отражает индивидуальные творческие стратегии художников.

Социолог и культуролог М. Кулева проанализировала 88 российских творческих инициатив, насчитывающих 1411 участников [Кулева, 2020]. Согласно ей, социальные амбиции многих лидеров самоорганизаций выходят далеко за рамки художественного языка и формальных творческих изысканий. Зачастую художники самоорганизаций видят гражданскую функцию искусства крайне важной, если не определяющей для своей работы, однако детально данный вопрос в работе М. Кулевой не рассматривается.

В современных социологических исследованиях, связанных со сферой искусства, отмечается присутствие разнообразных и зачастую специфических социальных ожиданий в художественной среде [Колычева, 2019], выявляются социологические и политологические аспекты искусства [Кокошин, 2015]. Но ограничением рассмотренных дискуссий является недостаточное внимание к социальным эффектам, генерируемым соответствующими художественными сообществами или группами (иными словами, слабый интерес к аспекту агентности, связанному с влиянием на внешние социальные процессы). Настоящая работа является попыткой частично компенсировать это ограничение, интегрировав теоретические идеи концепций «среднего уровня» (связанных с понятиями «художественная самоорганизация» или «круги творческого сотрудничества») и верхнеуровневых разработок, связанных с общей социальной теорией (теория «полей стратегического действия» и теория «неоструктуризации»).

Методология исследования. В отличие от предыдущих исследований (см.: [Sorokin et al., 2024; Афанасьева и др., 2024]), методология настоящей работы предполагает обзор и научной, и практической литературы (статьи в периодических изданиях, эссе, тексты

в выставочных каталогах), а также проведение и анализ результатов интервью с современными российскими художниками.

На первом этапе были проанализированы ключевые известные авторам академические источники, обзоры и литература по проблематике агентности в современном искусстве и на их основе с учетом имеющегося опыта исследовательского коллектива [Mironenko, Sorokin 2022; Сорокин, 2021; Афанасьева и др., 2024; Афанасьева, 2022] были составлены гайды для интервью с художниками и критерии отбора респондентов.

Были отобраны авторитетные представители российской арт-сферы – художники, известные и популярные в России (лауреаты и номинанты премий «Инновация», Кандинского, С. Курехина и др.); их творчество связано с конкретными формами подтвержденного внешними источниками агентного действия (создание новых сообществ, движений, проектов и техник в сфере искусства). Вопросы участия респондентов в этой деятельности были в центре внимания в проведенных интервью. В период с июня 2023 по март 2024 г. были проведены глубинные полуструктурированные интервью с двумя обязательными блоками вопросов: первый – о причинах обращения художников к трансформационному потенциалу искусства; второй – о фактических взаимоотношениях художников с социальной средой, включая возможные эффекты трансформационного характера на окружающий мир.

Респонденты-художники дали согласие на проведение интервью и публикацию их результатов. В соответствии с этическими требованиями к такого рода научным исследованиям цитаты художников в статье приводятся анонимно (респондентам в случайном порядке приписан код: «№ 1», «№ 2» и др.). Результаты представлены согласно описанной выше логике интервью.

Причины обращения художников к агентному потенциалу искусства. Анализируя причины своего обращения к трансформационному потенциалу искусства, большинство информантов отмечают существование «внутреннего заказчика», ощущение необходимости делать работу, которую кроме них никто не сделает (№ 1, № 2). Мотив материальной выгоды для себя при этом отсутствует¹ (см. также [Колычева, 2019]). Важными факторами могут выступать стремление к сопротивлению навязанным извне ограничениям и стандартам («протест»), а также интерес к «глобальным вопросам» общественного развития. *«Когда я начинал, когда мне было примерно 25 лет, протест еще был в крови <...> Сейчас, я чувствую, что это немного поубавилось, и меня просто стали интересовать какие-то более глобальные темы <...> Интенция трансформировать миропорядок где-то сохраняется»* (№ 3). *«Подросло уже новое поколение людей, которые готовы что-то менять, принимать какие-то новые законы, которые уже просто выросли и готовы начать действовать»* (№ 5).

Художники стремятся воздействовать на массового зрителя, привнести новые идеи и концепции в жизнь. Соответствующий эффект имеет самостоятельную ценность для них как признак успешной самореализации: *«Были яркие работы, конечно, они повлияли на историю <...> Если даже художник и пытается поменять ход вещей, скорее, он все-таки рефлексирует, он больше пытается зафиксировать тот момент, который уже случился»* (№ 3). *«Я это делаю, потому что внутренняя потребность в творчестве выражается через импакт на окружающих»* (№ 2).

Результаты интервью подтверждают высказанные в литературе суждения о том, что важным и частой обязательным условием принадлежности к миру художников является новизна [Seidel, 2016]. Интервью показывают, что для наших респондентов сфера современного искусства – не только очевидный способ творческой самореализации, но и возможность придумать и предложить общественности новые смыслы, заставить по-новому взглянуть на окружающий мир.

¹ Художники, как правило, не рассчитывают на серьезные продажи своих произведений и официальную карьеру: *«Это просто люди, которые привыкли работать, потому что они по-другому не могут, потому что только это им нравится»* (№ 3). *«Буду просто на работу ходить. Свою внутреннюю работу. Работу социального антрополога, художника, это как угодно можно назвать, потому что никто это не заказывает, кроме меня самого»* (№ 1).

Наблюдаемая легитимность индивидуальной агентности в представлениях респондентов может объясняться тем, что мир искусства, в отличие от многих сфер общественной жизни, в существенной степени в своем развитии опирается именно на индивидуальный талант художника [Parker, Corte, 2017]. Для других сфер общественной жизни исторически характерна ситуация, когда внешняя среда жестко задает границы действий индивида, его возможности и ограничения (рынок – для предпринимателей, корпоративные правила, уставы и регламенты – для работников корпораций и т.п.).

Художник действительно в относительно большей степени, чем представители других сфер деятельности, свободен от жесткого диктата внешних законов, включая законы рынка. Поэтому «поля стратегического действия» (strategic action fields) в сфере искусства выстраиваются в значительной мере вокруг самих художников – как их собственные «поля агентности» (agency fields), в которых индивид, а не структура, является основной несущей конструкцией. Это подтверждают слова одного из респондентов: *«Раньше, когда я занимался театром, мне очень нравилось, когда люди занимаются самопожертвованием ради искусства, и я сам до какой-то степени таким человеком был. Но потом до меня дошло, что любое высказывание меньше, чем сам творец»* (№ 3).

Таким образом, художники «легитимно» реализуют авторские поля агентности, не только и не столько видоизменяя существующие структуры, сколько формируя новые – в форме полей агентности, выстроенных вокруг их индивидуальной творческой идеи, подхода, взгляда на мир и т.п. Более того, именно стремление создать подобное поле, свой собственный мир и «вовлечь» в него окружающих – становится одним из важных мотивов обращения опрошенных художников к агентному потенциалу искусства.

Фактические взаимоотношения художников с социальной средой. В литературе отмечается, что для значительной части современного искусства характерен критический настрой по отношению к доминирующим институциям, включая, прежде всего, государство и рынок [Аллахвердиев, 2023; Колычева, 2019]. Распространение художественных самоорганизаций, которые пытаются выстроить альтернативные смыслы и новые формы взаимодействия, можно рассматривать как проявление этой тенденции, хотя, как показали наши интервью, помимо критики, не менее важна ориентация на объективный вклад в решение значимых социальных проблем, включая социальное неравенство, дефицит социальной сплоченности, издержки общества потребления, риски для экологии, и др.: *«Меня просто стали интересовать какие-то более глобальные темы <...> Про то, что люди не перестают влюбляться, быть нищими, болеть, умирать, <...> они меня, очевидно, стали волновать больше»* (№ 3). При этом подчеркивается ориентация на генерацию новых творческих концепций, смыслов, идей и решений благодаря диалогу со зрителем: *«У зрителя есть возможность включиться в игру. Это интерактивный объект. Для меня важно, что он может меняться. Меняется смысл в зависимости от того, кто участвует, от того, какая последовательность»* (№ 4).

В целом интервью показывают смещение вектора основных смысловых ориентаций современных художников с критики институций, характерной для модернистского искусства, к решению реальных социальных проблем. Важной задачей на этом пути информанты считают поиск групп единомышленников: *«важно поддерживать комьюнити, социальную ткань нашего комьюнити»* (№ 1).

В интервью художники отмечали, что пытаются фиксировать и осмысливать разнообразные проекты в сфере искусства, новые формы культуры: *«маятник все время качается в сторону каких-то новых сумасшедших проектов»* (№ 1), *«всегда найдутся люди, которые будут идти вперед, делать по-другому, и быть локомотивом»* (№ 3). Таким образом, с одной стороны, художники сами предлагают уникальные смыслы, направляя аудитории в сторону новых форм организации жизни, с другой стороны, фиксируют и описывают культурные формы, которые появляются в реальности поначалу без их участия. Вероятно, этот двухсторонний эффект обеспечивает особую роль представителей художественного сообщества в поддержке агентности и высокую вариативность возможных эффектов

такого рода деятельности. Подтверждением служат слова одного из респондентов: «Я думаю, история авангарда очень ярко показала, что авангард может служить совершенно разным идеям, разным политическим мотивам» (№ 5).

Информанты подчеркивают рост разнообразия в социальном мире, рассматривая его как положительный признак социального развития: «*Такое разнообразие психотипов и моделей поведения – это очень хорошо. Это главный признак успешного эволюционирования – и вида, и общества*» (№ 1). Социальная стратификация, с одной стороны, многократно усложняет задачу художника – сложно предсказать и спрогнозировать эффект от работы. С другой стороны, многообразие обеспечивает богатый контекст: «*Разнообразие культурного товара, которое воспроизводят представители разных точек зрения, такой обширный «торговый центр» – конечно, ты пойдешь за покупками туда, где есть конкуренция и большой выбор*» (№ 1).

В условиях неоструктуризации [Сорокин, 2023] высока роль случайности, и агентность носит выраженный непредсказуемый характер. Один из респондентов выдвинул гипотезу о существовании двух механизмов формирования смыслов, запускающих новые социальные структуры. Первый – сильное эскалирующее высказывание, которое часто используют СМИ. Второй – иносказательность, способность переходить на языки аллегорий и символов. Можно предположить, что на фоне радикальных изменений в мире последних лет наши респонденты-художники видят все более тонкие градации социальной действительности и чаще обращаются ко второму механизму. «*Мне очень нравится в рамках непредсказуемого вводить свои практики. В случайности есть что-то божественное, чудесное. Поэтому не нужно программировать этот трансформационный потенциал «от и до»*» (№ 1). Другой художник говорит: «*Я вижу трансформацию некоторых художников, которые вдруг поняли, что <...> не все так однозначно, и мир не делится на черное и белое*» (№ 3).

Искусство способно вызывать у зрителя эмоции и через них подталкивать его к рефлексии, формируя агентный потенциал. «*По-настоящему трансформационный потенциал есть в искусстве как в возможности рефлексии, в возможности увидеть что-то с новой точки зрения, посмотреть на что-то под другим углом. Вы можете выйти, может быть, за пределы привычной парадигмы*», – подтверждает один из респондентов (№ 5). «*Есть художники, которые мыслят образами, а я – концепциями, поэтому слова позволяют мне более точно сформулировать свою идею*» (№ 4).

Важно, что никто из респондентов не рассматривает свои отношения с окружающим миром через призму принадлежности к той или иной конкретной социальной группе или структуре. Даже такая широкая социальная группа как «художники» – не является для них очевидным предметом идентичности: «*Думаю, что художник это такая возможность быть между разными кругами. Для него нет каких-то социальных иерархий ... Я стараюсь не делать каких-то различий в общении с разными людьми из разных миров*» (№ 5). Иными словами, ни один из них не является актором, действующем в «готовом» поле. Все они – создатели собственных проектов, которые могут быть рассмотрены как самостоятельные поля агентности, генерируемые ими скорее «вокруг себя», а не внутри каких-либо существующих структурных границ.

Заключение. Изобразительное искусство – мощный ресурс не только понимания, но и трансформации социальной среды. Обобщая обзор литературы, а также анализ интервью с современными российскими художниками, можно заключить, что сфера искусства позволяет наглядно рассмотреть проблематику агентности, отчасти в силу того, что она в относительно небольшой степени регламентируется внешними факторами.

Художественная сфера стимулирует агентность как легитимное проявление творческого потенциала. Ключевыми факторами мотивации художников являются стремление к противопоставлению внешним ограничениям и стандартам («протест»), чувство внутреннего долга, желание изменить мир, привнести новые концепции и решения, творческая самореализация, мотивация воздействовать на массового зрителя, иными словами – создание собственных полей агентности, которые являются одним из механизмов развития социального мира.

Поля агентности, создаваемые современными художниками, могут рассматриваться в дополнение к теории полей стратегического действия Н. Флигстина и Д. Макадама, а также как уточнение концепции (нео-) или (де-)структуризации [Сорокин, 2021]. Проведенное исследование дополняет и развивает современные отечественные дискуссии (А. Трубицына, М. Кулева, Р. Поланин, В. Колычева и др.) в области социологии искусства в части иллюстрации агентного потенциала современных российских художников.

Таким образом, искусство может не только поднимать общественно значимые темы и ставить вопросы, но и показывать возможные пути изменений социальных процессов. В зарубежной литературе можно найти свидетельства тому, что агентность в искусстве оказывает влияние не только на художественные сообщества, но и на более широкую социальную среду, включая сферы здравоохранения, экологии, культуры и др., а также проблемы неравенства и социальной сплоченности (см. подробнее: [Dow et al., 2023; Garcia, 2017]). Российская действительность остается менее изученной. Проведенные интервью показывают, что поля агентности, создаваемые современными художниками, могут формировать новые практики индивидуального действия и сообщества, которые трансформируют социальную среду и вносят позитивный вклад в развитие общества. Вопрос национальной специфики рассмотренных феноменов требует отдельного поиска в будущих исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аллахвердиев Т.К. Плавающая институциональность и параинституты в современном искусстве России: предпосылки и образы // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. 2023. № 8(1). С. 144–155.
- Афанасьева И.А. Языковое поколение: слово в современном российском искусстве // *Человек*. 2022. Т. 33. № 6. С. 136–155. DOI: 10.31857/S023620070023384-9.
- Афанасьева И.А., Сорокин П.С., Голощапов А.А. Агентность в современном европейском искусстве (2017–2023) в контексте социальных и культурных трендов: проявления и эффекты // *Шаги/Steps*. 2024. Т. 10. № 1. С. 341–362. DOI: 10.22394/2412-9410-2024-10-1-341-362.
- Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / Под ред. А. Пензина. М.: Ад Маргинем, 2013.
- Кокошин А.А. Война и военное искусство: политологическое и социологическое измерения // *Социологические исследования*. 2015. № 3. С. 97–106.
- Колычева В.А. Искусство оценки искусства: по результатам опроса художественного сообщества Санкт-Петербурга // *Социологические исследования*. 2019. № 11. С. 100–109. DOI: 10.31857/S013216250007451-9.
- Кулева М. Социологические открытия «открытых систем» // *Открытые системы. Опыты художественной самоорганизации в России. 2000–2020* / Ред.-сост. А.Ю. Трубицына. М.: МСИ «Гараж», 2020. С. 26–33.
- Поланин Р. Self-organizing, или пересобирая самоорганизацию // *Открытые системы. Опыты художественной самоорганизации в России. 2000–2020* / Ред.-сост. А.Ю. Трубицына. М.: МСИ «Гараж», 2020. С. 40–47.
- Сорокин П.А., Головин Н.А. Эксперименты в социологии. О степени выраженности некоторых проявлений товарищества (альтруизма) на деле и на словах в зависимости от социальной дистанции // *Социологические исследования*. 2022. № 1. С. 93–98.
- Сорокин П.С. Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития // *Социологические исследования*. 2023. № 3. С. 103–114. DOI: 10.31857/S013216250022927-2.
- Сорокин П.С. Социологическая теория: вызовы и возможности российской социологии // *Социологические исследования*. 2021. № 11. С. 12–23. DOI: 10.31857/S013216250017006-9.
- Трубицына А. Опыт проекта // *Открытые системы. Опыты художественной самоорганизации в России. 2000–2020* / Ред.-сост. А.Ю. Трубицына. М.: МСИ «Гараж», 2020. С. 8–25.
- Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей. М.: ВШЭ, 2022.
- Archer M.S. Can Complexity Add anything to Critical Realism and the Morphogenetic Approach? // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2024. No.??, P. 1–12. DOI: 10.1111/jtsb.12419.
- Cavazzoni F., Fiorini A., Veronese G. How do we assess how agentic we are? A literature review of existing instruments to evaluate and measure individuals' agency. // *Social Indicators Research*. 2021. No. 59. P. 1125–1153.

- Dow R., Warran K. et al. The arts in public health policy: progress and opportunities // *The Lancet Public Health*. 2023. No. 8(2). P. 155–160. DOI: 10.1016/S2468-2667(22)00313-9.
- Dwivedi Y.K., Sharma A. et al. Evolution of artificial intelligence research in Technological Forecasting and Social Change: Research topics, trends, and future directions // *Technological Forecasting and Social Change*. 2023. No. 192. DOI: 10.1016/j.techfore.2023.122579.
- Fligstein N., McAdam D. Toward a general theory of strategic action fields // *Sociological theory*. 2011. No. 29(1). P. 1–26. DOI: 10.1111/j.1467-9558.2010.01385.x.
- Furuta J., Meyer, J.W., Bromley P. Education in a Postliberal World Society. *The Oxford Handbook of Education and Globalization*. Oxford: Oxford University Press, 2023.
- Garcia A. *The Walls of Wynwood: Art and Change in the Global Neighborhood*. Diss. Princeton University, 2017.
- Mironenko I.A., Sorokin P.S. Activity Theory for the De-Structuralized Modernity // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2020. No. 56. P. 1055–1071. DOI: 10.1007/s12124-020-09587-4.
- Parker J.N., Corte U. Placing Collaborative Circles in Strategic Action Fields: Explaining Differences between Highly Creative Groups // *Sociological Theory*. 2017. No. 35(4). P. 261–287. DOI: 10.1177/0735275117740400.
- Seidel M.F. Contemporary art: art and life // *Multidisciplinary Core Scientific knowledge magazine*. 2016. Vol. 7. P. 52–62.
- Sorokin P.S. The Promise of John W. Meyer's World Society Theory: "Otherhood" through the Prism of Pitirim A. Sorokin's Integralism // *The American Sociologist*. 2020. Vol. 51. No. 4. P. 506–525. DOI: 10.1007/s12108-020-09468-8.
- Sorokin P.S., Afanaseva I.A., Goloshchapov A.A. Art and Agency in the Era of De-Structuration: Exploring a New Field // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2024. Vol. 58. P. 204–220. DOI: 10.1007/s12124-023-09777-w.

Статья поступила: 17.04.24. Финальная версия: 23.09.24. Принята к публикации: 07.10.24.

AGENCY FIELDS IN THE SPHERE OF ART: ACTORS, ENVIRONMENTS OF MANIFESTATION, AND FORMATION FACTORS

SOROKIN P.S.*, AFANASEVA I.A.*

*HSE University, Moscow, Russia

Pavel S. SOROKIN, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Leading Research Fellow, Head of the Laboratory (psorokin@hse.ru); Irina A. AFANASEVA, PhD student, researcher (iaafanaseva@hse.ru). Both – Laboratory for Human Capital and Education Research, HSE University, Moscow, Russia.

Acknowledgment. The study was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No.: 075-15-2022-325.

Abstract. Insufficient understanding of the driving forces and mechanisms of proactive human influence on the social environment has recently been discussed as one of the key problems for fundamental science and practical politics. One of the key concepts in scientific discussions is agency. The field of art, as both a medium of manifestation and a factor in the formation of agency, receives limited attention, despite the fact that historically it occupies an important place in the developments on the problems of structural dynamics (for example, in the works of P. Bourdieu, B. Latour). Based on theoretical analysis, a review of discussions in the field of contemporary art, as well as on the basis of five interviews with contemporary artists, this article puts forward and substantiates the hypothesis about the existence of "fields of agency" as a special type of social formations, resulting not so much from change or development through individual action of existing structures, but from the direct creation of new practices of action and communities, which in turn change the wider environment. This hypothesis is considered as a development of the concept of strategic action fields by N. Fligstein and D. McAdam, as well as a clarification of the neostructuration concept (de-structuration) previously put forward by one of the authors of this article. The authors conclude that the formation of fields of agency may be an important mechanism through which individual action can transform the social world and which has not been sufficiently studied in contemporary social theory.

Keywords: contemporary art, agency, independence, neo-structuration, field theory, fields of agency, strategic action, self-organization.

REFERENCES

- Afanaseva I.A. (2022) Language Generation: Word in Contemporary Russian Art. *Chelovek [Person]*. Vol. 33. No. 6: 136–155. DOI: 10.31857/S023620070023384-9. (In Russ.)
- Afanaseva I.A., Sorokin P.S., Goloshchapov A.A. (2024) Agency in contemporary European art (2017–2023) in the context of social and cultural trends: Manifestations and effects. *Shagi/Steps*. Vol. 10. No. 1: 341–362. DOI: 10.22394/2412-9410-2024-10-1-341-362. (In Russ.)
- Allakhverdiev T. (2023) Floating Institutionalality and Para-Institutions in Contemporary Russian Art: Premises and Forms. *Kommunikacii. Media. Dizain [Communications. Media. Design]*. Vol. 8. No. 1: 144–155. (In Russ.)
- Archer M.S. (2024) Can Complexity add anything to Critical Realism and the Morphogenetic Approach? *Journal for the Theory of Social Behaviour*. No.??: 1–12. DOI: 10.1111/jtsb.12419.
- Cavazoni F., Fiorini A., Veronese G. (2021) How do we assess how agentic we are? A literature review of existing instruments to evaluate and measure individuals' agency. *Social Indicators Research*. No. 59: 1125–1153.
- Dow R., Warran K. et al. (2023) The arts in public health policy: progress and opportunities. *The Lancet Public Health*. No. 8(2): 155–160. DOI: 10.1016/S2468-2667(22)00313-9.
- Dwivedi Y.K., Sharma A. et al. (2023) Evolution of artificial intelligence research in Technological Forecasting and Social Change: Research topics, trends, and future directions. *Technological Forecasting and Social Change*. No. 192. DOI: 10.1016/j.techfore.2023.122579.
- Fligstein N., McAdam D. (2011) Toward a general theory of strategic action fields. *Sociological theory*. No. 29(1): 1–26. DOI: 10.1111/j.1467-9558.2010.01385.x.
- Fligstein N., McAdam D. (2022) *Theory of Fields*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Furuta J., Meyer, J.W., Bromley P. (2023) *Education in a Postliberal World Society. The Oxford Handbook of Education and Globalization*. Oxford: Oxford University Press.
- Garcia A. (2017) *The Walls of Wynwood: Art and Change in the Global Neighborhood*. Diss. Princeton University.
- Kokoshin A.A. (2015) War and Art of War: Politological and Sociological Dimensions. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 3: 97–106. (In Russ.)
- Kolycheva V.A. (2010) The Art of Art Assessing: Results of A Survey in The Saint Petersburg Artistic in Community. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 11: 100–109. DOI: 10.31857/S013216250007451-9. (In Russ.)
- Kuleva M. (2020) Sociological discoveries of “open systems”. In: *Open Systems: Self-Organized Art Initiatives in Russia, 2000–2020*. Moscow: MSI “Garazh”: 26–33. (In Russ.)
- Mironenko I.A., Sorokin P.S. (2020) Activity Theory for the De-Structuralized Modernity. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. No. 56: 1055–1071. DOI: 10.1007/s12124-020-09587-4.
- Parker J.N., Corte U. (2017) Placing Collaborative Circles in Strategic Action Fields: Explaining Differences between Highly Creative Groups. *Sociological Theory*. No. 35(4): 261–287. DOI: 10.1177/0735275117740400.
- Polanin R. (2020) Self-organizing, or Reassembling Self-organization. In: *Open Systems: Self-Organized Art Initiatives in Russia, 2000–2020*. Moscow: MSI “Garazh”: 40–47. (In Russ.)
- Seidel M.F. (2016) Contemporary art: art and life. *Multidisciplinary Core Scientific knowledge magazine*. Vol. 7: 52–62.
- Sorokin P.A., Golovin N.A. (2023) Experiments in Sociology. On the Degree of Expression of Some Features of Solidarity (Altruism) in Deed and in Word in Relation to Social Distance. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 1: 93–98. (In Russ.)
- Sorokin P.S. (2020) The Promise of John W. Meyer's World Society Theory: “Otherhood” through the Prism of Pitirim A. Sorokin's Integralism. *The American Sociologist*. Vol. 51. No. 4: 506–525. DOI: 10.1007/s12108-020-09468-8.
- Sorokin P.S. (2021) Sociological Theory: Challenges and Opportunities for Russian Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 11: 12–23. DOI: 10.31857/S013216250017006-9. (In Russ.)
- Sorokin P.S. (2023) The Problem of “Agency” Through the Prism of a New Reality: Conditions and Perspectives. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 3: 103–114. DOI: 10.31857/S013216250022927-2. (In Russ.)
- Sorokin P.S., Afanaseva I.A., Goloshchapov A.A. (2024) Art and Agency in the Era of De-Structuration: Exploring a New Field. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. Vol. 58: 204–220. DOI: 10.1007/s12124-023-09777-w.
- Trubitsyna A. Project Experience. In: *Open Systems: Self-Organized Art Initiatives in Russia, 2000–2020*. Moscow: MSI “Garazh”: 8–25. (In Russ.)
- Virno P. (2013) *Grammar of the set. To the analysis of forms of modern life*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)